

надел теплую шубу на лисьем меху. Окончив дела, он разыскал своего приятеля – адвоката, которого ввали Антуан Башере; поговорив с ним о разных разностях, он сказал, что хотел бы где-нибудь хорошо позавтракать, но непременно за чужой счет. Разговаривая так, они сели отдохнуть возле лавки аптекаря. И разговор этот подслушал слуга аптекаря, который сразу же сообразил, каким завтраком их хорошо будет угостить. Выйдя из лавки, он пошел на ту улочку, куда люди обычно ходили за нуждой, и подобрал там порядочную колбаску, основательно уже подзамерзшую и формой своей походившую на головку сахара. Он тут же завернул ее в белую бумагу так, как обычно завертывал покупки, постарался, чтобы сверток выглядел попригляднее, и, спрятав его в рукав, обогнал дворянина и адвоката и как бы нечаянно его выронил, после чего вошел в дверь дома, куда он якобы был с ним послан. Де ля Тирельер поторопился поднять сверток, будучи уверен, что это сахар. Не успел он это сделать, как слуга аптекаря вернулся и стал спрашивать, не видел ли кто головки сахара, которую он обронил. Адвокат, думая, что ловко его обманул, быстро прошел вместе с приятелем в таверну и шепнул ему:

– Теперь-то уж мы позавтракаем за счет этого ротозея.

В таверне он попросил подать им вкусной еды, хорошего хлеба и дорогого вина, ибо был уверен, что у него найдется чем за все заплатить. Но по мере того как за едою он отогревался, «сахар», спрятанный у него на груди, начал оттаивать и все помещение постепенно наполнилось вонью. А тот, от кого эта вонь исходила, осерчал на служанку и сказал ей:

– Другой такой срамницы, как ты, во всем городе не сыщешь. Не знаю уж, ты ли сама или дети твои тут наложили, только просто недохнешь от дерьма.

– Клянусь апостолом Петром, – воскликнула та, – нет тут нигде такой мерзости, разве только сами же вы ее сюда занесли.

Тут оба они вскочили с места, – вонь сделалась уже совершенно непереносимой. И они пошли к огню, и адвокат вытащил из-за пазухи платок, который весь был запачкан оттаявшим «сахаром». Тогда, распахнув свою подбитую мехом шубу, он увидел, что она вся в нечистотах, и вскричал:

– Мы думали, что обманули этого негодника, а это, оказывается, он нас так ловко провел.

И приятелям, которые поначалу так радовались своей удаче, пришлось раскошелиться и, заплатив все, что с них причиталось, уйти из таверны раздосадованными и огорченными.

– Благородные дамы, так нередко бывает с людьми, которые любят пускаться на подобные хитрости. Если бы дворянину этому не хотелось позавтракать за чужой счет, ему не пришлось бы нюхать подобную мерзость. Разумеется, благородные дамы, рассказ мой не очень пристоеен, но вы позволили мне говорить правду, что я и делал, дабы показать, что ежели самого обманщика обмануть, то от этого никому не становится худо.

– Принято думать, – сказал Иркиан, – что слова никогда дурно не пахнут, но тем, о ком эти слова здесь говорились, не так-то легко было отделаться и не почувствовать этой вони.

– Есть слова, которые действительно не пахнут, – сказала Уазиль, – но есть и другие, которые называют дурными. Те-то уж в самом деле дурно пахнут, они ведь задевают душу нашу больше, нежели тело, а это похуже, чем нюхать какую-нибудь головку сахара, о которой вы только что рассказали.

– Будьте добры, объясните мне, что же это за нечистые слова, от которых могут пострадать и душа и тело порядочной женщины, – попросил Иркиан.

– Вот как, – сказала Уазиль, – вы хотите, чтобы я сама произнесла слова, которые я не советую повторять ни одной женщине!

– Теперь я понимаю, что это за слова, – сказал Сафредан. – Женщины, которые хотят, чтобы их считали скромными, таких слов обычно не произносят. Но я хотел бы спросить всех собравшихся дам, почему, если они сами не решаются произносить эти слова, они так смеются, когда их произносят при них?

– Мы смеемся вовсе не потому, что слышим эти отменные слова, – ответила Парламанта. – Но надо сказать, что каждая женщина бывает готова смеяться, когда она заметит, что кто-нибудь споткнется при ней или употребит какое-нибудь слово совсем некстати, случайно обмолвившись и вместо одного сказав другое, что может случиться с людьми самыми разумными и такими, у которых язык хорошо привешен. Но когда вы, мужчины, начинаете говорить между собою со всею грубостью и называть вещи своими именами, то я не знаю ни одной порядочной женщины, которая стала бы слушать эти речи и не убежала бы вон из комнаты.